Томас Клири

Китайское искусство войны

ПОСТИЖЕНИЕ СТРАТЕГИИ

ОГИЗ

Искусство военных стратегий

Томас Клири

Китайское искусство войны. Постижение стратегии

«АСТ»

1984

УДК 355.4(091)(510)
ББК 63.3(5Кит)

Клири Т.

Китайское искусство войны. Постижение стратегии / Т. Клири — «АСТ», 1984 — (Искусство военных стратегий)

ISBN 978-5-17-105734-3

История ведения войны в Китае восходит к древним мифам, в которых великие воины — волшебники и маги, а их легендарные сражения олицетворяют идеалы справедливости и служения народу. Реалии войны никогда не были столь же просты и очевидны, однако и политики, и мыслители, и полководцы, сталкиваясь с конфликтами и войнами, искали пути их умиротворения в тех древних фундаментальных понятиях и идеях. Уже в ранней китайской литературе специально рассматривается проблема войны, причем не только вопросы стратегии и тактики, но и воздействие на людей, нравственные последствия. Какими качествами должен обладать полководец, что приводит к конфликтам в обществе, как управлять государством и не допускать кризисов — эти и многие другие проблемы издавна интересовали китайских мудрецов. Книга основана на переводах текстов Чжугэ Ляна и Лю Цзи — непобедимых полководцев и мудрых государственных деятелей, которые на практике доказали свое постижение искусства войны, искусства стратегии.

УДК 355.4(091)(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-105734-3

© Клири Т., 1984
© АСТ, 1984

Содержание

Предисловие составителя 7
«Искусство войны» и «И цзин»: стратегия и перемены 15
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Китайское искусство войны. Постижение стратегии

Публикуется по соглашению с Shambala Publications (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Thomas Cleary, составление, 1984
© Котенко Р. В., перевод, 2000
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие составителя

Те древние мужи, что Дао-Путь постигли,
Были таинственны и утонченны,
Пронизанные сокровенным.
«Дао дэ цзин»

Будь неуловимым, вплоть до бесформенности;
Будь неведомым, вплоть до беззвучности.
Так сможешь стать
Властителем судьбы врага.
Сунь-цзы

У изменения и движения – свое время; безопасность и опасность заключены в тебе самом. Несчастье и счастье, обретение и утрата – все начинается из тебя самого. Вот почему тот, кто искусен в изменениях, отдается времени. Для того, кто отдается времени, даже опасность безопасна; для того, кто искусен в изменениях, даже хаос упорядочен.
«Чжун хэ цзи»

Вопрос изучения стратегии жизни и применения ее на практике, в любой ситуации и в любое время, с глубокой древности интересовал философов и политических мыслителей всех великих культур. В Китае, земля которого дала рождение одной из древнейших ныне живущих цивилизаций, философы классической эпохи размышляли о том, как человеку выжить и обеспечить свою безопасность в условиях беспрестанного движения и изменений. Многие учителя мудрости этого далекого времени были ремесленниками и учеными, задумывавшимися над природой и судьбой человека в надежде отыскать новые стратегии существования; другие же занимали высшие государственные и военные посты, и потому им волей-неволей приходилось изучать самые сложные проблемы человеческого общества, с которыми они сталкивались в своей деятельности.

Философы Древнего Китая говорили: когда первоначальная чистота человеческих нравов испорчена личными амбициями, общество оказывается в состоянии непрекращающейся внутренней войны. Война эта проявляется в социальном неповиновении, столкновениях между различными классами и в конце концов – в вооруженной агрессии. И потому еще с той далекой поры мудрецы озаботились изучением тех механизмов, что приводят к конфликтам в человеческом сообществе, и старались постичь практическую науку кризисного управления.

Вот почему уже в ранней китайской литературе специально рассматривается проблема войны, причем не только с точки зрения того, когда именно и как начинать военные действия, но и с точки зрения ее воздействия на людей и вызываемых ею нравственных последствий. «Инь фу цзин», «Канон сокрытых знаков», считается, например, одним из наиболее ранних даосских текстов, созданным даже прежде «Дао дэ цзина». Вследствие чего сочинение это пользуется таким авторитетом, что его с огромным интересом изучают и стратеги, и мистики: в классической лаконичной манере текст этот суммирует то отношение к войне, которое впоследствии было заимствовано различными философскими школами, в том числе неувядаемыми даосизмом и конфуцианством. «Отсеки источник наживы – это в десять раз лучше, чем собирать армию», – говорит канон.

Затем и «Дао дэ цзин», несомненно, самый известный даосский текст, развивает тему мотивов, лежащих в основе войны. Одним из главных оказывается жадность:

Когда в Поднебесной есть Дао-Путь,
Кони спокойно унавоживают землю.
Когда в Поднебесной нет Дао-Пути,
Боевые кони родятся в предместьях.
Нет больше вины, чем страстям поддаться.
Нет больше беды, чем меры не знать.
Нет больше преступления, чем желание обладать.

(Пер. Е. Л. Торчинова)

Та же фундаментальная тема подробно разрабатывается и в «И цзине», «Книге Перемен», другом древнейшем китайском каноническом сочинении, посвященном, как и следует из названия, науке овладения изменениями, сущностью жизни. В том же пассаже «Инь фу цзина» утверждается, что начинать отсекать источник наживы и жадности нужно со своего дома: «Исследуй трижды, и днем, и ночью, – это в десять тысяч раз лучше, чем собирать армию». Можно вспомнить и знаменитую строку из «Дао дэ цзина», ставшую пословицей: «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага». Фразу это можно прочитать и так: «Путешествие в тысячу ли начинается у твоих ног».

Позднейшие сочинения следуют той же концепции, а именно: что всякие реформы в социальной сфере должны начинаться с конкретной личности, и подразумевают, что внутреннее самосовершенствование куда более эффективно, чем внешнее принуждение к закону. Вот почему китайские философы приходили к выводу о все возрастающей с течением времени роли образования и воспитания в обществе. Конечно, порой их представления о том, каким именно должно быть это образование, отличались радикальным образом, но все они соглашались в том, что одной из составляющих его должно быть изучение природы конфликтов. И получалось так, что, несмотря на все огромное многообразие идей и концепций относительно конфликтов в человеческом обществе, философы Древнего Китая зачастую давали схожие рецепты их разрешения. Поэтому классические сочинения по военной тематике, такие как, например, знаменитое «Искусство войны» Сунь-цзы, ставшее учебником, обычно отражают все основные направления философской мысли Китая, особенно те, что так или иначе связаны с «И цзином», «Книгой Перемен».

История ведения войны в Китае восходит еще к древним мифам, в которых великие воины представлены волшебниками и магами, чьи легендарные сражения со своими противниками олицетворяли идеалы справедливости и служения народу на раннем этапе развития цивилизации. Однако реалии войны исторической никогда не были столь же просты и очевидны, как их мифические прообразы, однако и политики, и мыслители, и полководцы, на протяжении столетий постоянно сталкиваясь с конфликтами и войнами и будучи вынужденными находить пути их умиротворения, неизменно придерживались некоторых фундаментальных понятий и идей, сложившихся еще в глубокой древности.

Китай являет собой гетерогенную цивилизацию, охватывающую огромные территории и граничащую с большим числом разных народов. В своей истории страна прошла через столетия войн, как внутренних, так и внешних. И на протяжении примерно трех тысячелетий ее долгой истории несомненным оставалось постоянство причин, приводивших к войнам, и способов ее ведения, что делает изучение войны и военной философии занятием в высшей степени поучительным и полезным, позволяющим выявить природу и сущность войны как таковой.

Если говорить упрощенно, то борьба за власть, лежавшая в основе многих войн в Китае на протяжении трех тысячелетий, являлась следствием нескольких главных антагонизмов. Первые войны Китая представляли собой междуплеменные конфликты и столкновения, в которых участвовали народы, жившие в бассейне реки Хуанхэ или приходившие туда. Одни племена покоряли другие, пока, наконец, в III и II тысячелетиях до нашей эры в бассейне

Хуанхэ не сформировались относительно большие и достаточно сильные их конфедерации. Конфедерации эти существовали довольно долго, и на протяжении этого длительного периода войны возникали уже вследствие сталкивавшихся региональных интересов ведших их кланов. Войны случались все чаще, становились все более и более жестокими и достигли своей кульминации в эпоху, известную как период Борющихся царств, продолжавшуюся с V по III столетия до нашей эры, когда они практически не прекращались.

Однако осуществленная в конце III века последняя, решающая кампания покончила с ними; впервые в своей истории Китай стал единым. Но за этим последовали уже войны экспансионистские, отчасти похожие на те, что много ранее вели протокитайские племена за овладение бассейном Хуанхэ. Уже в объединенном Китае правилом стали и войны между правителями и подданными, в которых существенную роль играл дух регионализма.

Борьба между центром и окраинами, между высшими и низшими, выражавшаяся на протяжении многих столетий в бесконечных внутренних и внешних интригах и войнах, дала удивительное многообразие комбинаций и переработок первоначальных принципов. Добавим к этому еще соперничество кланов и семей, а также столкновение политических интересов служилых ученых, евнухов, многочисленных родственников императоров. На всех уровнях, и самом высшем, и низших, стремление к власти и богатству стало отличительной чертой человеческого мира, главным движущим фактором многих событий, в ответ на которые мыслители-практики и создавали науку безопасности и стратегии действия.

Некоторые из наиболее глубоких и проницательных суждений о войне и военном искусстве восходят к классическому «Дао дэ цзину», тексту, создание которого обычно приписывается времени от начала до середины периода Борющихся царств. В характерном для идеологии даосизма стиле текст выражает идеал – обретение практической и этической мудрости:

Оружие – недоброго знамения вестник.
Оно не есть орудие благородных мужей.
И только если нет иного выбора,
Его возможно применить.
Муж благородный ценит всего превыше мир и покой.
И даже коль в войне он побеждает,
Тому не радуется он нимало:
Ведь радоваться ей – то же самое,
Что наслаждаться убиением людей.
А тот, кто наслаждается смертоубийством,
Не способен направить свою волю на благо Поднебесной.

Среди бед большей нет,
Чем недооценить противника.
Недооценить противника – значит похоронить свои драгоценности.
Поэтому, когда в битве войска скрещивают свои клинки,
Побеждает скорбящий.

(Пер. Е.Л. Торчинова)

Похожим образом представлен в этом же сочинении и идеал искусного воина, не имеющего ничего общего с пустой бравадой и жестокостью:

Те древние мужи, что Дао-Путь постигли,
Были таинственны и утонченны,

Пронизанные Сокровенным.
И столь они были глубоки,
Что распознать их нельзя.
Поскольку нельзя распознать,
С усилием попробую лишь указать
На свойства их обличия:
О! Они были столь же внимательны,
Как если бы зимой переходили реку вброд!
О! Они были столь же осторожны,
Как если бы опасались соседей со всех четырех сторон!
О! Они были столь же серьезны, как если бы чинно встречали гостей!
О! Они были столь же мягки, как лед, что готов распасться!
О! Они были столь же ровны, как простота необработанного чурбана!
О! Они были столь же всеобъемлющи, как широкая долина!
О! Они были столь же мутны, как взбаламученная вода.

(Пер. Е.Л. Торчинова)

Даосское мировоззрение, несомненно, оказало влияние на стратегию «Искусства войны», а кроме того, элементы даосской критики тирании во всех ее формах проявляются и в идеях двух выдающихся мыслителей конца эпохи Борющихся царств – Мо-цзы и Мэн-цзы. Оба они – а особенно Мо-цзы – исповедовали активную жизненную позицию и уделяли пристальное внимание проблеме войны.

В основе учения Мо-цзы лежала идея всеобщей любви, на которой только и может быть основано социальное благополучие; он считал войну массовым убийством людей, и ничем иным, и жестоко высмеивал государства своего времени, в которых кража и убийство человека преследовались и карались по закону, но которые вознаграждали своих воинов за грабежи и массовые истребления людей. Мо-цзы сам строил метательные машины и организовал мобильный отряд истово преданных его учению воинов-аскетов, которые приходили на помощь маленьким государствам, если те становились жертвами царств более крупных. И даже после кончины Мо-цзы последователи его продолжали следовать установленным учителем традициям вплоть до конца периода Борющихся царств.

Мэн-цзы, живший некоторое время спустя после Мо-цзы, известен как продолжатель традиции великого учителя Конфуция. Если Мо-цзы уделял преимущественное внимание конфликтам между разными государствами, то Мэн-цзы в большей степени заботили противоречия между различными социальными классами. В своем учении и во всей своей жизни он твердо придерживался принципа и практики соотнесения интересов различных социальных групп как необходимого условия общественного и политического порядка. Поэтому Мэн-цзы отвергал еще сохранявшиеся в его время пережитки древних представлений, что воины якобы обладают неким божественным правом, и утвердил нравственные основания, допускающие вооруженный протест со стороны угнетенных.

Даосы считали и Мэн-цзы, и Мо-цзы в некотором роде «своими» мыслителями, как, впрочем, и Конфуция, и других ранних философов – авторов «И цзина» и «Искусства войны». Мировоззрения всех школ оказались собранными воедино во II веке до нашей эры в знаменитом классическом даосском сочинении «Хуайнань-цзы», «Философ из Хуайнани». В этой действительно неординарной книге рассматривается самый широкий круг вопросов, в том числе политических, социо-логических, экологических, психологических и биологических, причем все они сплавлены в единое целое – науку жизни. В сочинении нашли отражение философия

«И цзина», «Дао дэ цзина» и высшая мудрость «Искусства войны», примером чего может служить одна из историй, иллюстрирующая воплощение на практике знаменитого диктума «Искусства войны», а именно, что «побеждать, не вступая в сражение, – самое лучшее»:

> «Когда царство Цзинь пошло войной на царство Чу, чуские сановники уговаривали правителя напасть, но тот сказал: “На протяжении царствования нашего прежнего правителя Цзинь не нападало на нас; значит, если Цзинь нападает на нас в мое правление, это моя вина. Что можно поделать с таким позором?”
>
> Сановники сказали: “Цзинь не нападало на нас во времена прежних министров; значит, если Цзинь нападает на нас теперь, то это наша вина”.
>
> Чуский правитель склонил голову и заплакал. Потом он поднялся и поклонился своим министрам.
>
> Когда люди Цзинь услышали об этом, они сказали: “Чуский правитель и его министры соперничают друг с другом за право взять вину на себя; а с какой легкостью правитель осудил себя перед своими подданными. На них не следует нападать”.
>
> В ту же ночь цзиньская армия повернула обратно. Вот почему в “Дао дэ цзине” сказано: “Тот, кто может принять позор всех людей, зовется правителем государства”».

В «Хуайнань-цзы» есть еще одна история, иллюстрирующая вытекающий из предыдущего принцип «Искусства войны», а именно, что если соперничество приводит к конфликту, то даже в победе может присутствовать утрата, что в последующем, даже если соперничество закончилось, может привести к еще большей беде:

> «Правитель царства Вэй спросил своего министра о причинах, приведших к гибели одного из государств. Министр ответил: “Постоянные победы в постоянных войнах”.
>
> Правитель Вэй спросил: “Государство, одерживающее постоянные победы в постоянных войнах, можно считать благополучным. С какой стати этому быть причиной его гибели?”
>
> Министр сказал: “Там, где постоянно воюют, народ слаб; там, где постоянно одерживают победы, правители высокомерны. Дайте высокомерным правителям повелевать слабым народом, и едва ли найдется такое государство, которое бы не погибло”».

Со временем весь широкий спектр китайских представлений относительно практического искусства жизни был унаследован чань-буддизмом, подвергшим внимательной и строгой проверке взгляды всех школ с тем, чтобы установить их сущность и смысл. Поэтому неудивительно, что одно из наиболее ярких описаний иерархии китайских философий войны содержится в трудах блистательного буддийского мыслителя XI столетия Мин-цзяо, ученого, историка и одновременно знатока чань-буддийской мистики:

> «Оружие предназначено для использования против преступников; использование оружия исходит от гуманности и основано на справедливости. Оно исходит от гуманности в том смысле, что проявляется сострадание к тем, чьи жизни уничтожаются; оно основано на справедливости в том смысле, что кладет конец жестокости.
>
> Когда жестокость останавливается справедливым образом, то возникает взаимная гармония, а не взаимная смута. Когда к тем, чьи жизни уничтожаются, проявляется сострадание, то и планы составляются для того,

чтобы поддерживать жизнь, а не сеять смерть. Вот почему военные походы идеальных правителей древности называют правильными наказаниями и справедливыми свершениями.

Когда согласие среди людей пошло на убыль и наступила эпоха Борющихся царств, изменился характер военной стратегии; о гуманности и справедливости забыли, и вместо этого война стала основываться на жестокости и предательстве. Сильные государства никто не мог приструнить, самомнение государств-гегемонов росло вместе с численностью их армий, жадные государства оружием сеяли хаос, алчные государства использовали свои армии, чтобы нападать на других.

“Война – отвратительное деяние, и благородные прибегают к ней только тогда, когда избежать ее невозможно”. Вот почему совершенномудрые древности ценили нравственную силу, а не военную. Вот почему понимающие военную стратегию не должны управлять Поднебесной в одиночку.

“Облачиться в доспехи – это не путь добиться благосостояния в государстве; это способ покончить с жестокостью”.

“Погибшее государство ведет войну оружием; государство тирана ведет войну коварством; государство подлинного вана ведет войну гуманностью и справедливостью; империя ведет войну добродетелью; идеальное государство ведет войну недеянием”».

Другой представитель чань-буддизма, тоже блестящий ученый и поэт, добавляет к представленному выше описанию философии войны некоторые детали. Его наблюдения и мысли облечены в прекрасные стихи, которые он писал в неприступных горах, где скрывался после того, как стал жертвой клеветы. В его глубоком подходе к истории и беспристрастном понимании красоты и трагедии столкновения различных интересов, пронизывающих человеческую жизнь, также зримо ощущается даосский элемент, ставший неотъемлемой частью наследия чань-буддизма.

Впечатления от прочтения истории

Пробужденные и благородные завершают дела только время от времени,
А ничтожные чиновники всегда поддерживают друг друга.
Когда клеветники и льстецы добиваются своего,
Совершенномудрые и ученые отвергнуты.
Великое Дао создает мириады вещей
Бесчисленного множества видов.
Чистые и подлые не соседствуют друг с другом,
Гуманные и жестокие следуют разному.
Если поставить их рядом,
Как они смогут поладить?

Причитания солдатской жены

Лучше быть придорожной травой,
Чем супругой солдату, ушедшему в поход.
Еще не согрето свадебное ложе,
А муж уже на северной границе.
Она вспоминает день их расставанья,

Как снежинки покрывали землю:
Лук и стрелы у него на боку,
Копыта коня заледенели от холода.
Он сейчас так далеко от дома,
Могут ли они хранить надежду на встречу?
Приводят в печаль ее солнце с луной,
Что светят ей и ее господину.
День за днем она томится и чахнет,
Думая только о том, будет ли страданьям предел?
Каждую ночь в тяжелых снах
Она летит на север, к границе.
Но в походе нет другой судьбы,
Как быть настороже и днем, и ночью.
Нет времени думать ни о доме, ни о семье,
Остается лишь ратный труд беззаветный.
Так, с древнейших времен до скончания лет,
Верные долгу погибнуть давали обет.

Китайский генерал на черном коне. Ок. 1815–1820

«Искусство войны» и «И цзин»: стратегия и перемены

«Искусство войны» и «И цзин» – две вечные книги китайской цивилизации; их на протяжении многих столетий, и в Китае, и в соседних азиатских странах штудировали и гражданские чиновники, и военные стратеги. «Искусство войны» впускает в мир войны культурное начало, «И цзин» впускает войну в мир культуры. В соответствии с принципами классической политической идеологии Китая военная стратегия подчиняется стратегии социальной. Вот почему главным оружием, защищающим нацию от хаоса, вызываемого хоть внешними, хоть внутренними причинами, считалась нравственная сила единого целого – народа. Далее люди могут быть объединены только теми средствами, которые пестуют общее благосостояние. Поскольку «И цзин» отличает единство от единообразия, китайская идеология утверждала, что методы эти следует адаптировать в зависимости от времени, места и тех людей, которым они призваны служить.

Ниже философия «Искусства войны», а также применение стратегии разрешения конфликта будут рассматриваться именно в духе этой традиции. О взаимо-связи между философией и наукой организации, выраженной в «Искусстве войны», и более древней «Книгой Перемен» мы говорили в нашем предисловии к переводу первого сочинения. Для того, чтобы поставить его в контекст философской перспективы, здесь, полагаем, логичнее будет начать с идей о соперничестве и войне, представленных в самом «И цзине».

Большинство читателей и Востока, и Запада знают «И цзин» как древнюю книгу предзнаменований, на протяжении тысячелетий использовавшуюся в качестве практического руководства по гаданию и предсказанию судьбы. И по сей день к ней обращаются как к непререкаемому авторитету по прогнозированию развития ситуации, но такая практика была в целом чужда ведущим философам и политическим мыслителям. Военные стратеги открыто запрещали гадания как таковое со времен как минимум таких же древних, как само «Искусство войны».

Для ученого, исследующего законы поведения в социуме, «И цзин» – это книга стратегических оценок, призванных помочь человеку жить и действовать более рационально и эффективно. Структуру ее можно условно представить в виде четырехугольника, по углам которого – четыре фундаментальные идеи, и на котором вращается круг, состоящий из трехсот шестидесяти возможных ситуаций. Цифра триста шестьдесят соответствует числу дней лунного года и олицетворяет полноту и завершенность. Эти ситуации сгруппированы в шестьдесят главных конфигураций, выраженных символическими знаками – гексаграммами по шесть элементов в каждой.

У каждой гексаграммы имеется название и главная тема, отражающая тот или иной аспект жизни и развития в круге перемен. Она сопровождается комментариями и образами изменений, которые могут произойти в человеческом мире в данных условиях, когда с течением времени возникают аналогичные возможности. Каждый из шести элементов гексаграммы, в свою очередь, тоже снабжен комментариями и образами, анализирующими заданную тему с различных углов зрения, в зависимости от разных относительных позиций, в которых люди могут оказаться в заданных условиях.

Две темы «И цзина», наиболее зримо связанные с интересующим нас вопросом о влиянии книги на «Искусство войны», – это темы шестой и седьмой гексаграмм, «Раздор» и «Армия» соответственно. Темы эти рассматриваются друг за другом в соответствии с традиционным порядком изучения событий, а комментарии к ним как раз и отражают классический подход к тому, как следует реагировать на конфликт.

Комментарий «И цзина» к гексаграмме «Раздор» гласит: «Обладателю правды – препятствие»[1].

Чэн И, один из лучших знатоков «Книги Перемен» в истории, прекрасный интерпретатор, испытавший влияние и даосизма, и чань-буддизма, объясняет его просто как то, что «раздор возникает из необходимости». Очевидно, что сие явно дву-смысленное замечание применимо в равной степени и к захватнической, и к оборонительной войне.

Вся символика гексаграммы «Раздор» свидетельствует о внутреннем желании и внешней силе. Она призвана отразить алчные и агрессивные черты человеческой психологии и поведения, те самые, что как раз и ведут к противостоянию. Таким образом, «необходимость», которой Чэн И объясняет возникновение раздоров, можно понимать как относящуюся либо к внутренним силам, подчиняющим захватчика, либо к внешним, делающим необходимой защиту от агрессии.

Согласно этическому кодексу «И цзина», раздор оправдан, когда он возникает как сопротивление угнетению либо как противодействие страданиям, на которые обрекают жадность и агрессивность другого. Принцип этот вполне согласуется с Путями всех трех главных направлений китайской мысли: конфуцианства, даосизма и буддизма. Значит, «справедливый раздор» также проистекает из необходимости. Об этом и говорит «И цзин». Чэн И добавляет: «Без искренности и верности раздор – всего лишь интрига и ведет к несчастью».

Такие же нравственные принципы присутствуют и в «Искусстве войны». В разделе «Маневрирование армией» Сунь-цзы говорит: «С самого начала проявлять жестокость и устанавливать суровую дисциплину, опасаясь своих людей, – вот признак неумелости». А в разделе «Огневые атаки» сказано следующее: «Правитель не может собирать армию только из-за своего гнева; полководец не может вступать в битву только из-за крушения своих ожиданий. Когда выгодно, продвигайся; когда невыгодно, остановись».

Комментарий к гексаграмме «Раздор» продолжает: «С трепетом блюди середину – к счастью. Крайность – к несчастью». Комментарий Чэн И: «Соперничающие люди, в ожидании решения, противопоставляют свое обоснование обоснованиям других. Хотя они могут быть искренними и преданными, но, если возникает раздор, они, безусловно, не видят ситуации; что-то обязательно останется нерешенным, ибо, если бы это было не так, ситуация была бы ясна и соперничества бы не возникло. Раз дело не разрешено, нельзя определенно сказать, будет оно иметь хорошие или плохие последствия. Вот почему существует большое беспокойство относительно достижения и поддержания благоприятного равновесия. Если равновесие достигнуто, это предвещает благо. “Крайность – к несчастью” означает, что, если подходить к делам, твердо придерживаясь заданного понимания, это предвещает беду».

О том же самом принципе Сунь-цзы в разделе «Огневые атаки» говорит так: «Гнев может вновь обратиться в счастье, раздражение может вновь обратиться в радость, но уничтоженное государство невозможно восстановить, мертвого нельзя вернуть к жизни. Поэтому просвещенный правитель осторожен с войной, а хороший полководец почтителен к ней».

Согласно философии «И цзина», состояние равновесия, или следования середине, означает такое отношение, при котором эмоции и чувства не берут верх. Если следовать традиционной формуле, выраженной, в частности, в «Чжунхэцзи», «Книге равновесия и гармонии», неодаосском сочинении, основывающемся на «И цзине», то: «Состояние до возникновения эмоций называется равновесием; если же эмоции проявились, но сохраняешь умеренность, это называется гармонией». Традиционный даосизм понимает «равновесие» как объективность и беспристрастность. В древней формуле «равновесие и гармония» объективность и беспристрастность всегда ставятся на первое место, поскольку считается, что они и есть как раз те

[1] Перевод фрагментов «И цзина» дан по изданию: *Шуцкий* Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». – М., 1993. – С. 249–250. *(Прим. ред.)*

необходимые практические качества, посредством которых в последующем только и можно обрести гармонию.

Решения, принимаемые в тот момент, когда имеет место быть состояние раздора, оказывают серьезное влияние на последующие события. Вот почему «И цзин» продолжает: «Благоприятно свидание с великим человеком». Фраза эта достаточно шаблонная и традиционно понимается в смысле первостепенной необходимости мудрости и знания, которые не могут подменяться эмоциональными суждениями. Чэн И описывает великих людей, людей, исполненных мудрости, как тех, кто «может разрешать споры, опираясь на твердое понимание, истинное и взвешенное».

«Искусство войны» также уделяет большое внимание важности зрелого руководства, в моменты кризиса и столкновения интересов становящегося просто насущно необходимым: «Полководец заключает в себе мудрость, надежность, гуманность, мужество и строгость» («Начальные расчеты»). Согласно классической китайской философии, беспристрастная мудрость жизненно необходима всем сторонам, участвующим в споре, поскольку как только возникают раздоры, уже появляются потери, которые еще более усугубляются, когда раздор перерастает в войну. Далее, для всех вовлеченных в противостояние эффективное использование имеющихся сил зависит от умелого руководства и управления ими, позволяющего сконцентрировать их в нужное время и в нужном месте.

В классическом, да и в современном смысле положение «И цзина» о «благоприятности встречи с великим человеком» воспринимается также как указание на значимость образования, на открытие умов народа мыслям мудреца; это тоже форма руководства, как считают китайцы, дающего людям неоценимый пример выдающейся личности.

Последняя фраза комментария к шестой гексаграмме: «Неблагоприятен брод через великую реку». Как поясняет Чэн И, речь здесь идет о том, что в соперничестве нужно сохранять благоразумие и осторожность и не становиться безрассудным и опрометчивым. Согласно традиции стратегии, знание условий есть основа предусмотрительности и подготовленности; в разделе «Планирование нападения» Сунь-цзы говорит: «Если не знаешь других и не знаешь себя, погибнешь в первой же битве». Что касается реальных военных действий, то данное предупреждение естественным образом охватывает и сферу логистики. В разделе «Ведение войны» Сунь-цзы говорит: «Если государство истощено войной, то это из-за того, что припасы доставляются на большие расстояния. Перевози припасы на большие расстояния, и богатство народа истощится».

В словах «неблагоприятен брод через великую реку» можно увидеть также и повторение основного принципа нравственного соперничества, отличающего его от захватнической войны. В разделе «Типы местности» сказано: «Наступая, думают не о славе; отступая, думают не о том, как избежать позора, но только о том, как защитить народ». В том же духе говорит об авантюризме и классическое даосское сочинение «Хуайнань-цзы»: «Жадные люди, домогающиеся всего, усыплены властью и выгодой, они обречены вечно стремиться к славе и положению. Они думают лишь о том, чтобы, опираясь на исключительную хитрость, подняться в Поднебесной, но их жизненные силы и дух истощаются день ото дня и уходят все дальше и дальше».

Тему «Раздора» анализируют и комментарии к отдельным чертам гексаграммы. Первая черта свидетельствует о болезни и низком статусе. Комментарий гласит: «Не навеки будет то, в чем усердствуешь. Будут незначительные разговоры, а в конце концов – счастье». Чэн И поясняет: «Так сказано оттого, что раздор, как правило, не есть то, что следует затягивать; и слабые люди, занимающие низкое положение, в особенности едва ли сумеют удачно выйти из раздора».

Этот принцип минимализма находит отражение и в «Искусстве войны». В разделе «Ведение войны» сказано: «Если используешь воинов в битве, но победа долго не приходит, их ору-

жие притупляется, а рвение ослабевает. Если осаждаешь города, их силы истощаются. Если войско долго находится в походе, запасов государства не хватит».

Замечание Чэн И насчет того, что не обладающие властью и силой люди едва ли сумеют одержать верх в раздоре, также раскрывает нам одну из причин, по которым во главе крестьянских восстаний, вспыхивавших на протяжении всей долгой китайской истории, как правило, стояли люди из интеллектуальной, религиозной, военной или даже аристократической среды. Чэн И говорит: «Это происходит потому, что при соответствующей помощи со стороны верхов люди, находящиеся в таком положении, могут воздерживаться от упорствования», ведь такое сотрудничество смягчает остроту конфликта.

По китайскому традиционному этическому мировоззрению, вторая черта гексаграммы олицетворяет амбициозную силу, бросающую вызов справедливому порядку. Поскольку раздор обусловлен личными устремлениями, а не моральной необходимостью, ему противопоставляется следующее суждение: «Не одолеешь в тяжбе. Поверни – и беги. Триста дворов – население твоего города – не (накличет) беды». Чэн И комментирует: «Если знаешь, что правильному и справедливому противостоять не следует, и возвращаешься домой, чтобы вести скромный образ жизни и заниматься своими делами, то не совершишь ошибки».

Третья черта гексаграммы «Раздор» символизирует тех, кто слаб и уступчив, хотя и находится в достаточно сильной позиции. В конструкции гексаграммы третья черта сильна постольку, поскольку занимает самое высокое место из трех нижних. Позиция эта соответствует положению того, кто обладает определенной властью, но находится в подчинении высшим. Авторитет и власть на этом уровне слабее, более размыты и относительны, чем в верхней триграмме, олицетворяющей более высокие и значимые уровни влияния и управления.

В гексаграмме «Раздор» слабая верхняя черта нижней триграммы свидетельствует о характерных признаках той ситуации, когда возникает раздор. Комментарий «И цзина» гласит: «Кормись от обретенного встарь. Будь стойким в опасности». Под «обретенным встарь», возможно, имеется в виду опыт одного, двух, трех или более поколений, поколений, чьи свершения сформировали основы существования поколения теперешнего. С этой точки зрения, «стойкость» (еще один базовый термин «И цзина», также означающий «чистый», «подлинный») может означать осторожность, необходимую для того, чтобы не растерять накопленное, в том числе и предыдущими поколениями. В таком случае в контексте данного знака быть «стойким» или «чистым» подразумевало бы указание на необходимость всеми силами избегать утраты или расхищения «накопленного встарь» в соперничестве за то, что еще не заслужено.

Комментарий Чэн И свидетельствует о весьма специфическом понимании автором смысла данной строки, если речь идет об одном поколении: «Кормиться от обретенного встарь, – говорит Чэн И, – означает жить на то, что человек заслуживает и что обусловлено тем, чем он располагает». «Быть стойким, – продолжает он, – значит твердо сдерживать себя». Опять-таки данные положения «И цзина» имеют параллели в социальной и стратегической сферах. В разделе «Боевая диспозиция» Сунь-цзы говорит: «Хороший полководец выбирает позицию в том месте, где он не потерпит поражения». Фразу эту вполне можно прочитать и в том смысле, что армия, если в ходе военных действий она чувствует себя уверенно, черпает свою безопасность из прошлых достижений.

Обратно, если интерпретировать «Искусство войны» в социологическом плане, то смысл данного пассажа идентичен пониманию Чэн И: если армия всегда хочет занимать такую позицию, в которой она не потерпит поражения, это возможно только в том случае, если воины живут тем, что они заслужили и чем они располагают, и сдерживают себя.

Такой параллелизм, когда один и тот же принцип истолковывается в разных измерениях человеческого существования, весьма характерен для литературы, которая испытала влияние буддийской и даосской философии. Несомненно, что это является одной из причин тысяче-

летнего интереса к таким текстам, как «И цзин» и «Искусство войны», интереса, далеко выходящего за рамки изначального предназначения обоих сочинений.

Далее комментарий «И цзина» к третьей черте говорит: «В конце концов, будет счастье». Чэн И поясняет: «Хотя окажешься в опасности, если помнишь об осторожности, в конце концов, удача улыбнется тебе». «Опасность», еще один базовый термин «И цзина», означает также «суровый», «напряженный» и охватывает указание на саму проблему и ее разрешение в одном знаке, в соответствии с принципом «И цзина» «использовать неблагоприятные события для добрых целей», как, например, учиться на напряженных и стрессовых ситуациях собирать волю, которая в последующем поможет успешно преодолевать препятствия. В разделе «Девять местностей» Сунь-цзы говорит: «Если им суждено умереть здесь, то разве есть такое, что они не могли бы совершить? Воины отдают все свои силы. Когда воины в большой опасности, они не ведают страха».

Заканчивается комментарий к третьей черте такими словами: «Пожалуй, следуй за царем в его делах. Без того, чтобы совершать это ради себя». Чэн И интерпретирует данную фразу в том смысле, что люди, положение которых олицетворяет черта, не должны приписывать себе достижения, обретенные благодаря их участию в уже сложившейся системе, в деятельности государства. В этом смысле они обязаны признавать, что «кормятся от обретенного встарь», от сделанного многими и многими другими людьми, и потому не вправе устраивать тяжбы и раздоры ради наград и возвышения только потому, что они исполнили свой долг.

Перекликается с данным принципом ненавязчивого действия и скромного исполнения предписанного долга и пассаж из раздела «Боевая диспозиция». Сунь-цзы говорит: «Те, кого древние считали преуспевшими в войне, покоряли тех, кого можно было покорить. Поэтому победы преуспевших в войне не требовали мудрости или мужества». То же характерно и для даосской философии: нужно незаметно следовать именно такому подходу, который обеспечивает успех. «Планируй трудное, пока оно легкое, делай большое, пока оно еще маленькое», – говорит «Дао дэ цзин».

Говоря о воинах древности, Сунь-цзы продолжает: «Вот почему их победы – не счастливое стечение обстоятельств. Победы их не случайны потому, что они занимали позиции, когда уже было ясно, что они победят, и одерживали верх над теми, кто уже потерпел поражение». Они пользовались спецификой ситуации и использовали ее силу, вот почему казалось, что они сами не делают ничего. Здесь опять-таки мы видим элемент даосского «недеяния, свершающего все».

Четвертая черта гексаграммы «Раздор» показывает тех, кто обладает личной властью и находится на низших ступенях среди верхов. Это люди, уверенные в себе, сильные и готовые вступить в схватку, но энергия их не взвешена. Вот как характеризуется данная ситуация в «И цзине»: «Не одолеешь в тяжбе. Если опять подчинишься приказу, то положение изменится. Будешь спокоен в стойкости – будет счастье». Стратегическая реконструкция этого принципа в разделе «Ведение войны» выглядит так: «Ни одно государство не извлекло выгоды из длительной войны. Тот, кто недостаточно понимает опасность войны, не сможет понять и выгоду от войны».

Вновь в духе своего этико-идеалистического истолкования Чэн И отмечает, что у человека, находящегося в должным образом функционирующем аппарате власти, просто нет такого соперника, с которым он мог бы затеять справедливую тяжбу, а потому общественный долг человека состоит в том, чтобы не выступать инициатором конфликта. Возвращение к порядку, утверждает Чэн И, означает подавление тех чувств, что питают дух раздора, то есть изменение менталитета и приведение его к состоянию взвешенного, объективного рассмотрения подлинных событий. Когда такое позитивное отношение установлено, увеличивается и вероятность счастливой гармонии в социальных отношениях и, как следствие, разрешения конфликтов и их избежания.

Чэн И продолжает: «Порядок есть истинное положение вещей; когда утрачиваешь истинное положение вещей, идешь против порядка. Вот почему идти к порядку – значит приближаться к истине. В сочинениях древних говорится о более очевидных проявлениях и последствиях противления порядку, приводящих к жестокости и истреблению людей». Сунь-цзы говорит: «Погибшее государство невозможно восстановить, а мертвого нельзя оживить». Соединяя утилитарную стратегию с человеколюбием, он заключает, что в случае раздора «самое лучшее – побеждать, не сражаясь».

И вновь Чэн И: «Дело в том, что, когда сила не взвешена должным образом, она ведет себя произвольно; она не пребывает в спокойствии. Раз сила не взвешена должным образом, она неустойчива; и именно отсутствие безопасности заставляет ее искать соперничества. Если не стремишься к соперничеству, к которому не следует стремиться, и возвращаешься к поиску истинного, сможешь превратить опасность в безопасность, что к счастью».

Пятая черта гексаграммы «Раздор» символизирует сильное и взвешенное лидерство, способное положить конец раздорам. Комментарий «И цзина» гласит: «Тяжба. Изначальное счастье». Чэн И говорит: «Умиротворение раздора взвешенным образом есть путь к тем последствиям, которые можно считать благоприятными и совершенно счастливыми». Он предупреждает также, что целью раздора не может быть победа любым способом, любой ценой: «Помни, что бывают случаи, когда ситуация очень благоприятна, но последствия не всецело счастливые».

Словно проецируя концепцию «благоприятного раздора» на ситуацию, требующую умения выходить из трудного положения, «Искусство войны» говорит (раздел «Планирование нападения»): «Тот, кто побеждает в каждой своей битве, на самом деле не искусен – наилучший тот, кто делает армию врага беспомощной, не вступая в сражение». Кроме того, в духе, с одной стороны, этическом, а с другой, чисто утилитарном, преломленном, правда, через практику гуманности, необходимую и на поле боя, Сунь-цзы говорит: «Действуй, когда это благоприятно; воздерживайся, когда неблагоприятно». «Не сражайся там, где нет опасности» («Огневые атаки»).

Шестая, самая верхняя черта шестой гексаграммы, символизирует агрессивных людей, занимающих высокое положение. «Быть на вершине власти и одновременно на вершине раздора, – говорит Чэн И, – свойственно тем, кто приводит раздор к предельному напряжению». В данном случает речь идет о тех, кто в неистовстве доводит конфликт до критической отметки. Чэн И продолжает: «Когда упиваются своей властью и доходят до безумия, порождают раздоры и тем самым навлекают на себя беду и даже гибель, что естественно».

Лю Цзи, ученый и полководец, чьи заметки на исторические и военные темы представлены в настоящей книге, именно таким образом описывает судьбу яркой династии Суй. В конце VI столетия, после нескольких веков внутренних войн, династия Суй на короткое время объединила Китай под своим началом. О втором суйском императоре, унаследовавшем империю, с таким трудом собранную воедино его отцом, Лю Цзи говорит так: «Дело не в том, что государство было маленьким, и не в том, что население было малочисленным. Но он любил военное искусство и любил воевать; он использовал оружие каждый день и отправлялся в бесконечные походы, желая покорить соседние народы. Потом удача повернулась к нему спиной, армия была разбита, а министры восстали. Разве он не смешон в глазах людей последующих поколений? Не лучше ли правителям людей быть более осмотрительными?»

Алчные и жадные до соперничества люди, находящиеся на вершине власти, привыкшие слушать только самих себя, страдают не только когда терпят неудачу; даже в успехе их подстерегает опасность, ибо сам успех становится яблоком раздора и продолжает подпитывать агрессивные устремления всех тех, кто находится на этом уровне. Комментарий «И цзина» гласит: «Быть может, будешь пожалован парадным поясом, но до конца утреннего приема тебе трижды порвут его».

Согласно Чэн И, в военной ли, гражданской или какой-либо еще сфере, «даже если люди соперничают до конца и в конце концов получают награду, награда эта сама становится объектом соперничества – разве ее удастся сохранить?» Лю Цзи в своем сочинении дает великолепный совет, который традиция приписывает величайшим полководцам: «Когда победил, веди себя так, как если бы не одерживал победы».

Когда раздор достигает своего апогея, он перерастает в конфликт, а доведенный до крайности конфликт оборачивается собиранием армии и войной. Поэтому вполне естественно, что в условном порядке «И цзина» гексаграмма «Армия» идет сразу же после гексаграммы «Раздор». Седьмая гексаграмма называется *ши*, и слово это имеет целый ряд значений, в том числе «войско», «военный поход», «полководец», «главнокомандующий». От последнего значения идет и другое весьма распространенное значение данного иероглифа: «учитель», «наставник», «знаток» наук или искусств.

Значение «учитель» вполне соответствует нуждам военного командования или общего управления в период кризиса; а образ войны и в буддизме, и в даосизме используется в качестве метафоры противостояния любым трудностям, лишениям, проблемам, вне зависимости от того, имеет место конфликт между людьми или нет. Понятие это вошло и в словарь фольклора и поговорок.

Комментарий ко всей седьмой гексаграмме гласит: «Стойкость. Возмужалому человеку – счастье. Хулы не будет». Подразумевается, что есть должный способ использования армии, восходящий к основополагающему принципу морально оправданной войны, выраженному и в даосизме, и в конфуцианстве, и в буддизме: к войне можно прибегать только в крайнем случае, и она обязательно должна быть справедливой. Как правило, это означает войну оборонительную, но допустим и карательный поход, если он направлен на то, чтобы воспрепятствовать подавлению слабых сильными. В любом случае руководство армией требует и нравственных, и технических оснований. В сочинении Чжугэ Ляна, тоже представленном в настоящей книге, особенно тщательно рассматривается вопрос о том, какими чертами и способностями должны обладать «возмужалые люди», способные вершить справедливость и устанавливать порядок в военных делах.

По классическим традициям Китая, военные действия следует сводить к минимуму даже в том случае, если они оправданны. В нравственном смысле такое требование можно расширить до признания того, что война, не проведенная по минимуму, уже по одной только этой причине является несправедливой. Наука стратегии, описанная в сочинении Сунь-цзы, однозначно утверждает, что продолжение или распространение войны без необходимости есть одна из главных причин, приводящих к гибели, и потому не может считаться ни нравственным, ни даже целесообразным с точки зрения практической выгоды. В принципе, такой подход означает, что правильный способ ведения войны, когда она становится необходимой, как правило, есть верный путь и с утилитарной, и с человеческой точек зрения.

История ясно свидетельствует, что при отсутствии принципов нравственности и справедливости война легко превращается в грабеж и кровопролитие и приносит разрушения и угнетение. С другой стороны, если командующий не знаком с технической стороной дела, армия становится неповоротливой и неэффективной, даже если она большая по численности. Вот почему в «И цзине» сказано, что «возмужалому человеку – счастье» и что «хулы не будет». Параллели между нравственным и техническим руководством постоянно подчеркиваются Чжугэ Ляном и другими известными стратегами.

Чэн И так поясняет комментарий к седьмой гексаграмме: «Армия должна идти по правильному пути: если для мобилизации армии и выступления в поход нет справедливых оснований, и это только создает беспорядки, то люди на самом деле не подчиняются; они всего лишь принуждены к этому. Вот почему главным принципом армии должна быть справедливость».

Но для обеспечения сплоченности и единства тех, кто идет умирать, необходимы не только ясные и весомые причины. Для управления войсками и правильного выбора времени и места сражения также необходимо умелое командование. Чэн И говорит: «Даже если армия используется справедливо, чтобы добиться успеха, полководец должен быть зрелым. В конечном счете, есть удачливые, но несовершенные, и есть совершенные, но неудачливые. Быть одновременно и удачливым, и совершенным – значит достичь той степени зрелости, на которую только способны люди. Зрелые люди тверды и достойны уважения. Если тот, кому суждено вести армию, неуважаем, если ему не доверяют и не подчиняются, то как он сможет заставить людей следовать своей воле?»

Об этом же говорит и стратег Сунь-цзы в первом разделе «Искусства войны»: «Дао заставляет армию следовать той же цели, которой следует полководец, так, чтобы она разделяла с ним жизнь и разделяла смерть, не страшась опасности» («Начальные расчеты»). Чжугэ Лян в своем сочинении об искусстве управления войском тоже уделяет большое внимание теме гармонизации отношений между разными уровнями организованной системы, равно как и общества в целом. Лю Цзи, в свою очередь, приводит несколько характерных примеров сочетания строгости и благосклонности с целью единения сердец армии.

Первая черта гексаграммы «Армия» олицетворяет начало мобилизации войска. Комментарий к первой черте гласит: «Выводи войско, руководствуясь законом. А если не так, то, хотя бы оно и было хорошим, будет несчастье». Тема законности и порядка пронизывает все «Искусство войны», рассматривающее с разных углов зрения вопрос о правильном и неправильном. Великий государственный деятель и стратег Чжугэ Лян, говорит традиция, особенно настаивал на необходимости сохранения порядка в государственных делах в периоды кризиса и смут. По свидетельствам, как полководец он отличался строгостью, но в то же время и беспристрастностью; и воины смотрели на своего командующего с благоговейным ужасом и восхищением одновременно, его высоко чтили и ему повиновались.

Один известный представитель китайского чань-буддизма так описывал две традиционные модели роли полководца и способа поддержания порядка: «Есть те, кто двигает людьми посредством сияющей добродетели, и те, кто приводит людей к покорности силой авторитета. Первых можно уподобить парящему фениксу, которым восхищаются все животные, а вторых – крадущимся тиграм и волкам, которых все звери боятся». В военной традиции авторитет подразумевает не только высокий ранг, но и персональную силу, устрашающую, харизматическую, или и ту и другую одновременно. Классическая китайская мысль указывает на необходимость сочетания воинственного и культурного начал, то есть того, что считается отличительным признаком цивилизации с тех пор, как человек вышел из доисторического состояния.

Даже в пацифистских буддийских и даосских школах образ воинственности сохранялся в определенных практиках, таких как критический анализ, интуитивное постижение, психологическое очищение, равно как и в гигиенических и терапевтических упражнениях. Кроме того, хорошо известно, что некоторые упражнения словно специально созданы для того, чтобы тренировать силу, необходимую для поединка. Очень многие движения могут быть истолкованы как способ обучения воинов.

Широко известный пример – школа Шаолинь, признаваемая даосами, но ассоциируемая ими с чань-буддизмом. Появление в Китае монахов-воинов было вызвано необходимостью противостоять иноземным захватчикам. Последователи ответвлений от этих практик в своих кодексах чести также сохраняли классические концепции рыцарства, тем самым утверждая принципы «И цзина» в средневековых китайских рыцарских идеалах.

Чэн И тоже занимает исключительно нравственную позицию, вслед за авторами «И цзина»: «Выводи войско, руководствуясь законом. А если не так, то, даже если бы оно и было хорошим, будет несчастье». Для идеалиста Чэн И свидетельство канонической книги служит еще одним доказательством значимости нравственных ценностей даже во время войны. Он

говорит: «Руководствуясь законом – значит основываясь на справедливости и разуме. Это означает, что цель армии – прекратить беспорядки и покончить с жестокостью. Если армия действует несправедливо, то, даже если она хорошая, ее подстерегает беда». «Хорошая» означает «одерживающая победы». «Беда» означает «несправедливо убивающая людей».

Вторая черта седьмой гексаграммы символизирует руководство армией. Она находится в подчиненной позиции, отдавая тем самым дань первенства управлению гражданскому и подтверждая древнее правило, что армия служит государству и народу, а не наоборот. Чэн И говорит: «Полководец армии должен быть первым только в армии». Чжугэ Лян, возглавлявший и гражданское управление, и армию, также утверждал: «Культурное начало предшествует военному».

Комментарий «И цзина» ко второй черте гласит: «Пребывание в войске. Счастье. Хулы не будет». Подразумевается, что полководцу, если он следует середине, сопутствует удача. Чэн И говорит: «Тому, кто принимает единоличную ответственность (за армию) и в состоянии, сохраняя взвешенность, следовать середине, сопутствует удача».

Что касается природы власти и авторитета полководца в контексте всего общества, символизируемого гексаграммой, то Чэн И так определяет понятие «Взвешенность»: «Дело в том, что, когда властью злоупотребляют, сворачивают с должного пути субординации; если же властью вовсе не пользуются, невозможно достичь чего бы то ни было. Вот почему самое лучшее – это отыскать взвешенный срединный путь». Теоретически полководец силой своего авторитета поддерживает того командира, кому он поручил какое-то конкретное дело, задействуя при этом все свои лидерские и организационные способности, причем делает это так, что все руководство войсками отдается нижестоящим, хотя концы нитей управления сходятся к самому главнокомандующему. Хотя нижестоящему командиру также необходимы лидерские качества, первостепенное значение здесь имеет цель, а не конкретный человек.

Комментарий ко второй черте продолжает: «Царь трижды пожалует приказы». Вновь заявлен конституциональный императив «И цзина» – что право на управление армией и ведение военных действий дается правителем, то есть властью гражданской. Подразумевается также, что, если армия хорошо исполняет предписанное ей, она считается надежной, даруя мир и спокойствие населению. Именно из этого принципа развилась практика использования расквартированной армии на общественных работах.

Когда такая практика вошла в моду в Китае, она сблизила воинов и простое население и часто предоставляла людям из совершенно разных областей страны уникальную возможность общаться друг с другом. Так, военные – а значит, и центральная власть – могли обеспечивать функционирование общественных связей. Чжугэ Лян был одним из тех, кто обладал особым даром завоевания поддержки населения и находил признание в качестве выдающегося гражданского администратора. Его успешный метод, видимо, в значительной степени основывался на постоянном применении на практике этических принципов конфуцианства и даосизма.

Эта черта отличает Чжугэ Ляна от многих других интеллектуалов и администраторов китайской истории. Большинство последних как минимум читали или слышали о таких принципах, но использовали их только тогда, когда это могло способствовать удовлетворению их личных амбиций. Эпический роман «Троецарствие», созданный много позже описываемых в нем событий и в большой степени пронизанный даосской психологией, обессмертил духовный гений Чжугэ Ляна и в то же время подверг нещадной критике и осмеянию тех разжигателей войны, у которых всегда находился под рукой какой-нибудь классический принцип для оправдания алчности, предательства и жестокости.

Слова о пожаловании приказов правителем Чэн И поясняет так: «Если армия задействована наилучшим способом, она в состоянии завершить дело и успокоить Поднебесную». А Сунь-цзы в «Искусстве войны» говорит: «Полководец наступает, не думая об обретении славы, отступает, не думая о том, как избежать позора, а помышляет только о защите людей и благе

правителя, тем самым оказывая государству неоценимую услугу» («Формы местности»). Чжугэ Лян же говорит: «Настоящий полководец не опирается ни на силу, ни на власть и не полагается на них. Ему не доставляет радости милость, он не страшится поношения. Он не стремится обладать богатствами, которые он видит, и женщинами, которых он мог бы взять. Его единственная цель – следовать интересам государства» («Верность полководца»).

Говоря языком гражданского управления, любая делегированная власть ставит людей в такое же положение, что и армию во главе с полководцем в социологии «И цзина». С точки зрения традиционной этики, нашедшей отражение в «И цзине», вполне естественно исполнять свои обязанности, предусмотренные делегированной властью, должным образом, а значит – эффективно, не присваивая себе права произвольно отдавать приказания. Чэн И говорит: «Хотя армия существует в себе, все, к чему может привести ее сила, есть следствие того, что дано ей полководцем, и любое ее достижение есть лишь следование долгу». В «И цзине» и других, основанных на нем сочинениях по стратегии, неоднократно подчеркивается смертельная опасность тех ситуаций, когда армия перестает довольствоваться своим подчиненным положением и берет на себя функции гражданской власти. Точно так же угрожать обществу может любая специализированная структура, когда она, вместо службы на благо всего общества, начинает служить самой себе.

Здесь можно провести параллель с биб-лейскими словами о том, что «суббота для человека, а не человек для субботы». Институты создавались для того, чтобы служить людям, а не для удовлетворения личных амбиций тех, кому поручено контролировать их деятельность. В том же духе свидетельствует и Чжугэ Лян: «Когда должности подбираются для людей, наступает хаос; когда людей подбирают на должности, устанавливается порядок».

Снежный ком титулов, должностей и пожалований для удовлетворения растущих запросов членов влиятельных и хорошо сплоченных кланов и группировок был на протяжении всей китайской истории одним из проклятий государственной власти и религии; налоги становились все более высокими, а практическое управление – все более беспомощным. Даосские философы говорили, что подобное может произойти в любой сфере организованной деятельности, а государственное управление являет собой лишь самый значимый и видимый пример. Чжугэ Лян настойчиво проводит идею о том, что государственное управление должно быть предельно простым, в соответствии с политической теорией даосов, актуальность которой особенно повышается в периоды упадка и хаоса.

Третья черта гексаграммы «Армия» олицетворяет командиров низшего звена. Подчеркивается особая значимость взаимопонимания и порядка во взаимоотношениях на данном уровне, а также в отношениях с высшим военным командованием. Здесь опять-таки просматривается аналогия порядка и субординации в военном ведомстве с гражданской системой управления.

Комментарий «И цзина» говорит: «В войске, быть может, воз трупов. Несчастье». Разногласия и раздоры на низших ступенях командования ослабляют целое, а особенно вредят они отношениям между командирами и простыми воинами. Чэн И поясняет: «Ответственность за военное предприятие не должна быть размытой; облеченный властью должен сконцентрироваться на этом». Как и прочие метафоры «И цзина», данная применима и к другим сферам человеческого существования; речь здесь идет о негативных последствиях крайнего рассредоточения сил и отсутствия единства на аналогичных уровнях организации, от индивидуальной жизни человека до любого общественного института.

«Искусство войны» тоже указывает на чрезвычайную опасность, таящуюся в раздробленности; стратегия должна быть направлена на недопущение подобной слабости. В разделе «Девять местностей» Сунь-цзы говорит: «Те, кого называют великими полководцами древности, могли добиваться того, чтобы противник утрачивал связь между передними и задними рядами, утрачивал связь между большими и малыми отрядами, утрачивал общую ответствен-

ность за благополучный исход, утрачивал согласованность между командирами и подчиненными, утрачивал взаимовыручку среди воинов, утрачивал единство и сплоченность». Мы видим здесь знакомый нам принцип «разделяй и властвуй», расширяющий древние правила «И цзина» и охватывающий все ступени и направления организационной структуры.

Четвертая черта седьмой гексаграммы – слабая позиция, невыигрышное положение во время войны. Комментарий гласит: «Войско отступает на постоянные квартиры. Хулы не будет». Имеется в виду, что лучше покинуть невыгодные позиции и отступить. Сходные стратегические принципы несколько раз выражены в «Искусстве войны», как, например, в разделе «Боевое сражение»: «Избегать противостояния с армией, пребывающей в порядке, и не нападать на большое войско – вот в чем заключается умение приспосабливаться». А в разделе «Девять местностей» сказано, что великие полководцы древности «действовали, когда владели преимуществом, и останавливались, когда преимущества не было».

Пятая черта гексаграммы – гражданское управление, дающее своей властью мандат армии. Подразумевается общий случай делегирования власти для выполнения какой-то задачи, поэтому гражданская власть внешне не присутствует в седьмой гексаграмме. Комментарий «И цзина», просто суммаризирующий логику и этику военных действий, начинается так: «На поле есть дичь. Благоприятно сдержать слово. Хулы не будет». Чэн И понимает пассаж в том смысле, что следует искоренить угрозу для государства, отличая при этом ее от агрессии внешнего врага: «Армию следует собирать только тогда, когда враг несет несчастья народу… Если это тот случай, когда дикие птицы заполонили поля и поедают урожай, и их необходимо уничтожить, то их следует уничтожить; действуй так, и хулы не будет. Если же будешь действовать по своей прихоти и тем самым приносить вред Поднебесной, вина твоя будет огромна. “Сдержать слово” – значить прояснить сделанное неправильно, чтобы остановить это. Некоторые воинственные тираны рыскали по горам и лесам в поисках тех, кого они считали “дичью”, но при этом “дичь” обитала на их собственных полях».

Комментарий «И цзина» продолжает: «Старшему сыну – вести войска. Младшему сыну – воз трупов. Стойкость – к несчастью». В данном случае резюмируется общая доктрина «И цзина» о значимости мудрости в управлении и единства в организации. Чэн И говорит: «Путь наделения мандатом полководца требует наличия зрелого человека, способного повести армию… Если армией будут управлять неподготовленные люди, то, даже если они будут принимать правильные решения, дело обернется бедой».

Среди главнейших указаний «Искусства войны» – необходимость наличия полководца, обладающего необходимыми качествами, и единства в рядах войска. Эта же проблема – одна из центральных для Чжугэ Ляна. В разделе «Способности полководца» своего сочинения по искусству и стратегии командования армией он описывает величайших знатоков военного дела в возвышенных словах, полностью следуя идеям «И цзина»: «Тот, чья гуманность простирается на всех, находящихся под его началом, чьей верностью и справедливостью завоевывается преданность соседних государств, кто распознает знамения Неба наверху, знаки Земли внизу и дела Человека посередине, кто считает всех людей своей семьей – является вождем Поднебесной, тем, кому невозможно противостоять».

Шестая и последняя черта гексаграммы «Армия» символизирует конец миссии армии и возвращение воинов в мирную жизнь. Идея, возможно, олицетворяет приятие всем обществом плодов труда какой-то части его членов. Здесь авторы «И цзина» вновь, как и всегда, когда они рассматривают данную тему, проводят, с одной стороны параллели, а с другой – указывают на различия между двумя сферами жизни – гражданской и военной, идет ли в последнем случае речь о войне внутренней или внешней.

Комментарий «И цзина» к последней черте седьмой гексаграммы говорит: «Великий государь владеет судьбами, начинает династию и наследует своему дому». Идея, выраженная в терминах абсолютной монархии, отражает, тем не менее, более глубокий принцип, которые

сегодня можно понимать и в ином контексте. Так, бюрократический и корпоративный аппарат является наследником далекой феодальной эпохи, сперва воспроизведшим своих прародителей, а затем поглотившим их.

Поскольку многие качества, требуемые для успешного выхода из кризисных ситуаций, необходимы также и в повседневном управлении, поскольку полным в Китае считалось только то образование, которое охватывало и гражданскую, и военную сферы человеческого опыта, человек одновременно либо попеременно мог быть лидером и военным, и гражданским. Чжугэ Лян и Лю Цзи являют собой прекрасный пример людей, которых судьба призывала к исполнению и гражданского, и военного долга.

В «Книге Перемен» подчеркивается, что из военного похода воины возвращаются домой и становятся членами общества, что позволяет им избежать опасностей пребывания внутри изолированной воинской касты и принести народу, во имя которого и велась война, обретенные ими за время испытаний знания, силы и опыт. Идеальный правитель, утверждает текст, способствует гармонизации взаимоотношений воинов с гражданским населением, вознаграждая их в соответствии с их заслугами. Чэн И говорит: «Великий государь дарует одержавшим победу ранги, должности и всячески возвышает отличившихся». Здесь мы становимся свидетелями действенности принципа, в соответствии с которым положение человека в обществе определяется его способностями и заслугами, принципа, ставшего краеуголь-ным камнем идеологии «И цзина» и одним из фундаментальнейших оснований конфуцианской философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.